РАССКАЗЫВАЕТ БРИТАНСКИЙ ТАНКИСТ БИЛЛ КЛОУЗ (BILL CLOSE)

Билл Клоуз (Bill Close, 1914-2006) воевал в составе 3-го Королевского Танкового Полка с 1940 по 1945 год. Он участвовал во Французской кампании 1940 года, Греческой кампании 1941 года, в боевых действиях в северной Африке в 1941-1943. В 1944 он высадился в Нормандии и с боями дошел до Балтики…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛИВИЯ – ТУНИС – ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ – ВЫСАДКА В НОРМАНДИИ

Операция *Crusader*

Операция *Crusader* началась для нас на исходе дня 17 ноября [1941 года], около 18.00. В этот момент сотни машин взревели, извергая гарь и дым, и начали медленно двигаться через пустыню. За несколько дней до этого мы замаскировали наши Милашки на стоянке далеко за границей, спрятав башни под жесткими навесами из мешковины и холста, чтобы с воздуха они напоминали трехтонные грузовики.

Проехав около восьмидесяти миль до района сосредоточения, все еще на египетской стороне границы, мы выстроились под видом автопарка. Утром после этого ночного марша возникла небольшая паника: ряд командиров доложили о повреждении резины на гусеницах, вероятно, при пересечении участка с остроугольными обломками и выступами известняка. Мы ждали прибытия запчастей из Дельты перед тем, как двинуться дальше к исходному рубежу. Когда мы только получили *Милашки*, было много опасений по поводу трещин в гусеницах, но они, казалось, продолжали работать несмотря ни на что.

13-го числа полковник вернулся с совещания в бригаде и вызвал командиров эскадронов. Джордж Уизеридж (George Witheridge, командир Эскадрона *B*), приписанный к сержантской столовой, получивший офицерское звание после боев под Кале, вернулся с новостями и сообщил, что с этого момента мы можем вступить в бой в любое время. Командуя эскадроном в Греции, *Уизерс* довольно хорошо представлял, с чем нам придется столкнуться. В течение трех дней, что мы оставались на той же позиции, мы тратили много времени на проверку оборудования и боеприпасов каждого танка под моим руководством как сержант-майора эскадрона.

План сражения — хотя на уровне взводов детали прояснились лишь позже — был довольно прост: два *левых хука* в сторону побережья, где была сосредоточена большая часть немецких танков. Основная часть нашей пехоты и медленные тяжелые танки *Матильда* и *Валентайн* были переданы в состав 13-го Корпуса генерала Годвин-Остена (Alfred Godwin-Austen, 1889–1963), который должен был сковать и разгромить гарнизоны, удерживавшие Бардию/Bardia, Соллум/Sollum и Халфайю/Halfaya на границе. Быстрые крейсерские танки были сосредоточены в 30-м Корпусе под командованием Уиллоуби Норри (Willowby Norrie) с целью нанести более широкий удар в сторону Тобрука. Вынужденная противостоять этой угрозе бронетехника противника должна была быть уничтожена при атаке на нас. После этого 70-я Дивизия должна была предпринять вылазку, а 1-я Южноафриканская Дивизия соединиться с ней, в то время как войска 13-го Корпуса должна была продвигаться вдоль побережья. Осада была бы снята, а путь на Триполи открыт. Такова была теория — даже оглядываясь назад, план не кажется плохим.

В целом было ощущение, что войска покажут себя с лучшей стороны. Две дивизии в 13-м Корпусе были доукомплектованы: 4-я Индийская — после участия в операции *Battleaxe*, и новозеландская — после потерь, понесенных в Греции и на Крите. В их боевых качествах сомнений не было. Труднее было предсказать действия 30-го корпуса под командованием генерала Норри, поэтому стоит поближе взглянуть на его соединения.

Штаб 7-й Танковой Дивизии – он был укомплектован опытными людьми и находился под руководством ветерана пустыни *Стрейфера* Готта (William Gott).

7-я Танковая Бригада:

- 7-й Гусарский Полк
- 2-й КТП
- 6-й КТП

Многие из личного состава воевали в Ливийской кампании, но техника также уже побывала в боях. Хотя половина танков была типа *A15 Крусейдер*, остальные (около семидесяти) были старыми *A13*, и встречалось даже несколько винтажных *A10*. Несмотря на проведенный ремонт, в бригаде следовало ожидать потерь из-за поломок.

7-я Моторизованная Группа Поддержки

Она находилась под командованием жесткого бригадного генерала Джока Кэмпбелла (Jock Campbell) и включала полк 25-фунтовых орудий и Батальон Стрелковой Бригады.

4-я Танковая Бригада

- 8-й Гусарский Полк
- 3-й КТП
- 5-й КТП

В составе полков была большая доля закаленных бойцов, но *Милашки* все еще оставались неизвестной величиной. С добавлением артиллерийского полка (25-фунтовки) и 2-го Батальона Шотландских Гвардейцев на грузовиках мы образовали мощную «бригадную группу».

22-я Танковая Бригада

- 3-й Полк Лондонских Йоменов
- 4-й Полк Лондонских Йоменов
- 2-й Королевский Глостерширский Гусарский Полк

Ни один из этих полков ранее не участвовал в боевых действиях. Каждый был оснащен более чем пятьюдесятью новыми *Крусейдерами*, которые провели некоторое время в мастерских для модификации к условиям пустыни. 22-я Бригада была не так сильна, как 4-я, ни в артиллерии, ни в пехоте.

1-я Южноафриканская Дивизия включала в себя 1-ю, 4-ю и 5-ю пехотные бригады, которые приняли участие участвовали в боях в Восточной Африке и выглядели крепкими и натренированными.

В ранние часы 18-го числа, когда мы укладывались спать, разразилась сильная гроза. Многие экипажи сняли навесы и использовали их, чтобы укрыться от хлещущего дождя. На рассвете, вернув маскировку, мы возобновили марш и при соблюдении строгого радиомолчания пересекли пустыню, с которой смыло все прежние следы. Поток воздуха,

вызванный нашей скоростью, веял холодом от сырой земли. Мы без происшествий прошли через проходы, проделанные в пограничной проволоке, и выстроились в очереди у складов горючего, как автомобилисты на заправке в праздничный день. Необходимость заправлять *Милашку* каждые сорок миль или около того была ее серьезной слабостью; только для нашей бригады из 160 танков требовалось огромное количество высокооктанового авиационного бензина, поэтому было отрадно найти его на месте.

Дождь увлажнил землю, и мы катились вглубь вражеской территории, не поднимая обычных клубов пыли. Не появилось ни одного вражеского самолета. Миля шла за милей, и к середине дня, после очередной дозаправки и снятия маскировки, бригада наступала в боевом порядке: *Милашки* развернулись в линию по фронту с интервалом 100 ярдов друг от друга и 200 ярдов между волнами. Это было волнующее зрелище: краска песочного цвета почти не поцарапана, на каждой башне маркировка эскадрона — треугольник для *A*, квадрат для *B*, круг для *C* и ромб для штаба — все в зеленом цвете 3-го КТП, как и наши нашивки. Над нами развевались маленькие желтые вымпелы, живописные, но создававшие опасность. Врагу не потребовалось много времени, чтобы понять: чем больше вымпелов на радиоантенне, тем важнее цель. Никто не жалел, когда позже они исчезли, но 18 ноября они считались важным средством идентификации — немцы и итальянцы их не использовали. Безусловно, вымпелы добавляли сцене лихости, как и бронеавтомобили 1-го Полка Королевских Драгун-Гвардейцев, мчавшиеся далеко впереди. Где-то слева от нас, поскольку мы были на внутреннем фланге ударных сил, наступала 7-я Бригада, а за ней 22-я — всего около 480 танков.

«Грозная» — было единственным подходящим описанием для этой грохочущей армады. Группа разведывательных машин противника, очевидно, подумала так же и, как только начала спускаться темнота гаснуть свет, вырвалась из укрытия и бежала, преследуемая шквалом трассирующих пуль. Вероятно, они отстреливались, но о потерях не сообщалось.

Опустилась ночь, и восстановилось спокойствие. Эскадроны собрались, сформировали колонну и проехали небольшое расстояние до позиций ночного лагеря. Для повторной заправки *Милашек* использовались четырехгаллонные канистры-*флимзи/flimsy (см. фото справа)*, которые подтекали во всех грузовиках, перевозивших их.

В ту первую ночь всё делалось по уставу. Я расставил караулы в лагере, получил приказ от Уизерса о времени подъема, проверил состояние боеприпасов (что было несложно, так как почти ничего не было израсходовано), подтвердил закрытие радиосети и, поужинав едой, приготовленной экипажем моего танка, наконец присоединился к ним под брезентом, натянутым в сторону от борта *Милашки*. Если события дня и оставили где-то болезненный след, так это на моей заднице. Человек, спроектировавший *Милашку*, забыл обеспечить командира сиденьем. Наши ремонтники приварили внутри башни крючки, на которые можно было подвесить полоску холста, но это оказалось крайне неудобным насестом.

Рассвет 19 ноября. Машины рассредоточились, танки батальона заняли позиции в 100 ярдах друг от друга и замерли в готовности. Быстрый чай, холодный завтрак — и мы в пути, получив радиокоды на день и различные ориентиры по карте. С этого момента и до конца декабря работа с картой стала моим главным занятием. День за днем я трудился, чтобы выяснить, где мы были раньше, где находимся сейчас и куда рассчитываем попасть. Моей задачей как сержант-майора эскадрона было вести эскадрон за собой на протяжении всей операции. Уизерс питал трогательную веру в мои навигационные способности, и время от времени это побуждало командира полка просить подтверждения или заверения. Это была не та тема, где помогал блеф — лучший друг солдата. Догадки стоили людям жизней.

Операция *Crusader* развертывалась на территории, на которой находились легко узнаваемые ориентиры, в частности уступы, спускающиеся к Средиземному морю, но были также и огромные плоские участки. Названия, смело отмеченные на карте как Габр-Салех/Gabr-Saleh или Бир-Берранеб/Bir-Berraneb, были лишь плодами воображения картографа. Покажите мне признаки цивилизации в Тмими/Tmimi или ныне печально известной Газале/Gazala. Посмотрите вокруг — и вы, возможно, найдете колодец в тенистой лощине, но не более того.

Раскачиваясь на своем подвесном сиденье в командирской башенке *Милашки*, я вцепился в покрытую тальком карту и изучал её с религиозным рвением, пока эскадрон мчался по равнине вслед за *Даймлерами/Daimler драгун-гвардейцев*, которые преследовали своих противников из *Африканского Корпуса*. Если попадались какие-то ориентиры, я делал пометку. Каждая маленькая тропа, которую мы пересекали, фиксировалась. Когда мы останавливались, я по возможности брал показания компаса, сверял солнце со временем и время с солнцем. Длина теней стала навязчивой идеей. Направление играло малую роль в моем прежнем боевом опыте, так как ранее оно почти всегда вело меня в одну сторону — в тыл, в компании множества людей, которые знали не только «путь», но и «кратчайший путь». Во время операции *Crusader* я остро осознавал: если ошибешься, двигаясь вперед, тебя, скорее всего, перенаправит дорожный указатель, сделанный в Германии. Вокруг подстерегало множество природных опасностей. Считалось дурным тоном напоминать некоему гусарскому полку, что он как-то оставил целый эскадрон неповрежденных легких танков в неожиданном море зыбучего песка.

Из множества статей и книг о войне в пустыне можно вынести впечатление, что вывести врага на бой было самой простым делом. Далеко не так. Командиры могли наметить осевую линию (Charlie Love) для операции, но после этого навигаторам предстояло выпутываться из последующих виражей, не все из которых казались логичными или желательными.

Мне пришло в голову, пока мы гнались за добычей, что если немецкие разведчики ведут себя так, как вели бы себя мы в подобных обстоятельствах, то они не просто бегут в панике, а заманивают нас на встречу с их хладнокровными коллегами, менее склонным уступать дорогу. На это, конечно, надеялись наши старшие офицеры. Они хотели спровоцировать столкновение, в котором наши более многочисленные силы уничтожат вражескую бронетехнику, и беспокоились, как бы враг не отказался играть в эту игру. Тщетная надежда. Тем не менее, согласно последующим глубоким исследованиям, Каннингэму (Alan Gordon Cunningham, до 24 ноября командующий 8-й Армией) удалось достичь такой всеобъемлющей внезапности, что Роммель (Erwin Rommel) пребывал в убеждении: первые обнаруженные британские части были просто разведывательным отрядом, подобным тому, который его собственные войска выслали незадолго до этого.

Действительно, случайные вражеские машины, которые мы видели, в панике бежали, а Боб Крисп (Bob Crisp), шедший далеко впереди остального батальона с Эскадроном *C*, доложил об атаке и рассеянии вражеской колонны, уничтожении двух-трех легких танков и выходе к маяку в Бардии и к морю. Во время этой вылазки он вышел в эфир на связь с комполка и отпустил несколько грубых замечаний о том, как долго другие эскадроны догоняют его, особенно наш, которому было поручено поддерживать связь с 5-м КТП слева от нас. Я моря точно так и не увидел. Мы обстреляли небольшую группу вражеских танков, но во второй половине дня я обнаружил, что прокладываю курс на запад, который ведет к остальной части бригады. Боевая группа из примерно 100 вражеских танков внезапно появилась со стороны солнца и атаковала 8-й Гусарский Полк. Это заставило 5-й КТП промчаться десять миль им на помощь, и от нас тоже ожидали участия. К тому времени, когда мы достигли этого района, опустилась тьма.

В ту ночь в лагере мы узнали, что Гусары потеряли двадцать танков, хотя некоторые были только повреждены. 5-й Полк потерял три. Оба подразделения заявили об уничтожении нескольких немецких танков.

Тяжелый бой также выдержала 22-я Танковая Бригада. Они столкнулись с дивизией *Ariete* у Бир-эль-Губи и — из-за поломок *Крусейдеров* и огня итальянских танков и пушек с хорошо подготовленных и замаскированных позиций потеряли около половины своих машин. Это был очень трудный первый бой для 4-го Полка Лондонских Йоменов Лондонского и 2-го Глостерширского Гусарского Полка.

Хорошей новостью было то, что 7-я Танковая Бригада, не встретив существенного сопротивления прорвалась к аэродрому Сиди-Резег и застигла врага врасплох, когда самолеты еще только взлетали. В десяти милях от периметра обороны Тобрука это казалось идеальным местом для сосредоточения деблокирующих сил. Судя по карте, аэродром находился под наблюдением с уступа и располагался на равнине, которая заканчивалась другим уступом.

В ту ночь мы расположились лагерем в нескольких милях от остальной части 4-й Танковой Бригады; некоторые из наших рассредоточенных подразделений прибывали глубоко за полночь. Грузовики подъехали и под моим присмотром выгрузили *флимзи*, чтобы эскадрон мог утром начать движение с полными баками. О больших повреждениях или механических неисправностях не сообщалось, и мы начали ценить достоинства *Милашки*. Один вопрос, который не давал мне покоя, — логика формирования бригадных групп. Почему три неопытных йоменских полка были сведены в одно соединение, пусть и с самым опытным полком бронеавтомобилей — 11-м Гусарским? Почему им дали самые современные *Крусейдеры*, в то время как у 7-й Танковой — экспертов пустыни — были подержанные танки? Это было выше моего понимания. Наверное, для кого-то в этом был смысл. В любом случае, 7-я Бригада достигла Сиди-Резега, несмотря на то, что у них были, главным образом, *А-13*.

Хаос

Один пустынный аэродром, как правило, мало чем отличался от другого. Кто-нибудь выбирал подходящее место, разглаживал неровности, ставил ветроуказатель и несколько палаток, и с появлением бензовозов и пары фургонов с радиостанциями аэродром начинал работать. Таких площадок было немало в ливийском *Большом Выступе*, и Сиди-Резег не был каким-то исключением. Он казался хуже других лишь потому, что той зимой мы были на нём буквально зациклены. Вероятно, изначально его выбрали потому, что он находился рядом с Триг-эль-Абд/Trig-el-Abd — широкой, хорошо накатанной дорогой, шедшей от границы и проходившей южнее Тобрука. Примерно в пяти милях от него стоял белый марабут, или гробница, которая, должно быть, очень помогала лётчикам как ориентир.

Я могу лишь предположить, что Сиди-Резег, чем бы он ни был, не любил людские компании. Только отшельник захотел бы жить на этой раскалённой, как печная полка, плато, которое и в лучшие времена было бы негостеприимным местом. А когда я увидел его впервые, оно явно было далеко не в лучшем состоянии. Ожесточенный за обладание им превратила плато в гигантскую пепельницу, полную раскалённых углей и тлеющих окурков. Нам понадобилось два ошеломляюще беспорядочных дня, чтобы туда добраться. Позже кто-то назвал операцию *Crusader круговертью*, но слово *водоворот* подошло бы больше: мы все кружились по всё более сужающимся кругам, пока нас не затянуло на скалы у Сиди-Резега.

Дни были короткими — светло было около двенадцати часов, начиная с шести утра. После наступления темноты значительная часть сил обеих сторон уходила в пустыню, в тихие места, чтобы заправиться, пополнить боекомплект, отремонтироваться и поесть, пока командиры ломали голову над задачами следующего дня.

Около сорока восьми часов 3-й КТП либо преследовал, либо сам подвергался преследованию со стороны того или иного подразделения *Африканского Корпуса*. Днём 20-го числа вспыхнул ожесточенный бой, в ходе которого нас оттеснили назад примерно к исходному району у Габр-Салеха, и мы получили подкрепление в лице 5-го КТП. В конце концов вся 22-я Танковая Бригада получила приказ поддержать 4-ю и, должно быть, где-то оказала серьёзное давление на противника, потому что к сумеркам его действовавшие против нас части исчезли. Довольно много *Милашек* было подбито, и общие потери бригады, включая танки, потерянные *гусарами* накануне, сократили её численность примерно до ста машин. Заявлялось о многочисленных попаданиях по *панцерам*, но поскольку большую часть времени мы отступали, реальных подтверждений уничтожения вражеских машин было немного. Пара часов сна — скорчившись в башне или под брезентом, который плохо защищал от проливного дождя, — и мы снова тронулись в путь, на этот раз в погоню за боевой группой, которая неуклонно уходила прочь через море парящей грязи.

На этом этапе структура батальона начала меняться: командиры эскадронов формировали из оставшихся танков импровизированные взводы различной численности — в зависимости от опыта уцелевших командиров. Потери были значительными. Среди погибших оказался капитан Питер Уильямс (Peter Williams), в прошлом награждённый *Военным Крестом/Military Cross*, когда Билл Ривз прорвался из Кале, а также двое моих друзей — сержанты Блэкшоу (Blackshow) и Найт (Knight).

Продвижение было медленным. В тактике противника не было ничего особо изощрённого — лишь здравый смысл. Незадолго до этого они ввели в строй буксируемую 50-мм противотанковую пушку *Pak 38*, способную пробивать 50-мм броню с дистанции в 1000 ярдов. Хотя ствол у неё был длинный, она устанавливалась на низком лафете и легко маскировалась.

Танки *Pz. III* и *IV*, некоторые из которых имели дополнительные бронеплиты, прикрученные поверх основной брони, могли вести по нам огонь с предельных дистанций. Когда мы пытались сблизиться с ними под огнём их башенных орудий, которые были по меньшей мере не хуже наших, они выбирали момент для отхода и давали *Pak 38* вступить в бой. Пушки *Pak*, выпустив свои 4½-фунтовые снаряды, в свою очередь отходили, прикрываемые несколькими 88-миллиметровками, находившимися в 3000 ярдах от нас, в то время как танки занимали новые позиции. Когда 88-миллиметровки отходили, весь цикл начинался заново. Артиллерийские наблюдатели следовали при штабе батальона, но в приливах и отливах боя им было крайне трудно корректировать огонь наших 25-фунтовых пушек. Реальным решением была более эффективная корректировка с воздуха, … но, к сожалению, практических систем взаимодействия не существовало. *Милашкам* приходилось полагаться на собственные пушки и на свою большую скорость — хотя за это приходилось платить повышенным расходом топлива.

Пробовали различные приёмы, чтобы справиться с этой проблемой. Боб Крисп, при всём своём лихом отношении к жизни, обладал очень логичным складом ума и применил на практике приём, который он разработал на стрельбищах учебного лагеря. Согласно методикам подготовки того времени, если занять позицию «корпус в укрытии-башня над землей» было невозможно, командиры должны были вести огонь на ходу. Боб, который как быстрый *боулер* обладал превосходным глазомером, с этим не соглашался. Его система лучше всего описана его собственными словами: «…после того, как цель была указана…, если обстоятельства позволяли, следовала более или менее автоматическая процедура. Задача состояла в том, чтобы подойти к вражескому танку на дистанцию, с которой его можно было уничтожить. Первый приказ был: “Механик-водитель, полный вперёд”. Наводчик делал всё возможное, чтобы, пока мы двигались, удерживать перекрестие прицела на цели. Следующий приказ, слышимый наводчиком, водителем и заряжающим, звучал так: “Механик-водитель, стоп”. Как только танк останавливался и цель оказывалась в прицеле, наводчик стрелял без дальнейшей команды… Звук выстрела служил сигналом для водителя снова отпустить сцепление и рвануть вперёд».

Так танк оставался неподвижным всего около четырёх секунд. Этот приём был принят большинством командиров танков и оказался эффективным. Поскольку все немецкие танки были медленнее *Крусейдеров* и *Милашек*, тактика «рывок — остановка — выстрел» хорошо подходила для открытой пустыни, но она никак не решала проблему оборонительного экрана из *Pak 38* и их более крупных «собратьев».

Лишь к середине дня мы вышли на рубеж, позволяющий атаковать Сиди-Резег, который скрывался за низким грибовидным облаком, от его основания доносились глухие удары, взрывы, грохот и дульные вспышки. Постепенно мы подкатили к верхней бровке уступа и посмотрели вниз на картину, которая поражала не меньше, чем ошеломляла. Насколько хватало взгляда — пока его не поглощала кружащаяся дымка, — повсюду виднелись неподвижные остовы, разбросанные на сотни ярдов друг от друга, другие — группами, обращённые в разные стороны. Одни были чёрными и безмолвными, другие тлели и потрескивали, а немногие ярко пылали, и чёрный дым деловито вился вверх в грязное небо. Среди этого плавучего хлама то тут, то там взметались фонтаны земли.

До этого момента я ещё мог оставлять управление 37-мм пушкой за рядовым Троттером, моим невозмутимым йоркширцем-наводчиком, сменившим Джорди Рэя (Geordie Reay), но теперь это было невозможно. На дальнем краю аэродрома происходило что-то неприятное: клубы пыли указывали на то, что имеет место атака, хотя кто на кого наступает, можно было лишь гадать. Равнина была усеяна подбитыми танками, грузовиками, бронеавтомобилями и пушечными тягачами, тут и там виднелись орудия, умолкшие 25-фунтовки, перевёрнутые бронетранспотреы с *Бренами/Bren*, штабные машины и — местами, невзирая на разрывы — люди, копающие или просто идущие куда-то, словно не замечая происходящего вокруг. Жёлтые вспышки на дальней гряде напомнили мне батареи, стрелявшие с холмов у Кале.

Не знаю, сколько времени мы простояли, наблюдая эту сцену полного хаоса, но, очевидно, ровно столько, сколько понадобилось бригадиру, чтобы решить — вводить нас в бой или нет. Мой радист, младший капрал Гибсон (Gibson), который, слушая радиообмен, мог догадываться о происходящем, не видя ничего своими глазами, смотрел на меня с потрясённым выражением лица, но молчал. Троттер (Trotter), никогда не тративший слов попусту, продолжал смотреть в резиновый наглазник прицела. Бог знает, что творилось в голове у моего водителя, младшего капрала Колклафа (Colclough), который через смотровую щель видел лишь пятно грязного дневного света на гряде. По интеркому я предупредил его, что, если мы пойдём «туда, вниз», ему придётся остерегаться нашей собственной пехоты, которая всё ещё была поблизости.

Я сказал заряжающему: — Убедись, что под рукой достаточно боеприпасов к 37-миллиметровке. Я счёл небезопасным использовать [пулемет] *Браунинг*.

Наводчику я сказал следующее: — Мы должны знать наверняка, куда стреляем, Трот. Группа *Милашек* послана разведать, что там за куча-мала.

Жужжание и треск в наушнике, который я держал у уха, стихли. — Приказ…

Командир полка передал Уизерсу, что мы идём в атаку, 5-й КТП — справа, 22-я Танковая Бригада также наступает — наш противник предположительно 21-я Танковая Дивизия.

— Теперь вперёд …

Наш танк дёрнулся, нырнул, и мы понеслись вниз по засыпанному камнями оврагу. Издали панорама напоминала голливудский спектакль. Вблизи же аэродром оказался всего лишь грязным кладбищем, усыпанным раскрытыми могилами и погребальными кострами. Повсюду лежали убитые артиллеристы и пехотинцы рядом с разбитым орудиями. Впереди красные отсветы и тёмные пятна обозначали приближающегося противника, но снаряды

прилетали со всех сторон. Указав Троттеру вероятную цель — большой чёрный силуэт, — я пригнулся до уровня глаз в башне, пока осколки трещали и глухо били по бортам *Милашки*. Пыль и мелкие крошки металла летали по боевому отделению.

— Левый рычаг — ещё левее — теперь вправо…

Мы рывком проскочили сквозь груду искореженного металла, но прежде чем я успел подтвердить выбранную цель, из стены дыма выскочила *Милашка* и пересёкла нашу линию огня. Сразу за ней проскочили еще две машины. Затем, медленно делая зигзаги, проползла ещё одна с разодранными спальными мешками, болтающимися позади башни.

— *Beer, Beer One*, что, чёрт возьми, происходит? Приём.

— Я… думаю, эти *жлобы*/*yo-yo boys* пытаются нас атаковать. И по нашим справа бьют противотанковые пушки…

Оглушительный рёв и столб пламени возвестили о прямом попадании где-то совсем рядом. Вражеские наводчики громили машины 5-го КТП, которые, пытаясь обойти фланг, смещались влево и оказывались у нас на пути. Вскоре *Милашки* уже носились во всех направлениях, и лишь быстрая реакция водителя спасла нас от столкновения. Наблюдая за происходившим издалека, потрёпанные йоменские полки 22-й Танковой Бригады решили, что такое неистовство могут демонстрировать только *Pz. III*, к шквалу огня, нацеленного на нас, добавились их 40-мм снаряды. Оба батальона КТП оказались перемешались. Поскольку каждый работал на своей радиочастоте, быстро навести порядок было невозможно: срочные сообщения передавались двумя полковниками через тыловые радиотанки бригадиру, а тот тем же путём возвращал приказы. Нам было велено отходить на юго-запад.

Сиди-Резег. Поле боя

Затем последовало ещё более дикое родео: танки сдавали назад, разворачивались, едва не сталкивались друг с другом — а в некоторых случаях всё-таки сталкивались. Это было слишком даже для противника: он остановился и начал отход — возможно, будучи озадаченный происходившим и явно испытывая нехватку боеприпасов и топлива.

Из тех, кто столь пошел в наступление 17 ноября, в полку осталось немного. Эскадроны и взводы переформировывались так часто, что мало походили на первоначальные. Боб Крисп был тяжело ранен в голову, я находился рядом с его танком, когда в него попали, и эвакуировал его и ещё одного члена экипажа на броне своего танка. Хотя другие части бригады — 8-й Гусарский и 5-й КТП — были отправлены в Дельту на переформирование, 3-й КТП остался с 7-й Группой Поддержки и понёс новые потери в танковом бою у Антелата/Antelat, потеряв шесть машин. В конце концов 26 декабря, после примерно двадцати восьми дней непрерывных боевых действий, нам приказали вернуться в Египет.

Назад в *Дельту*

Сражение за Сиди-Резег стала суровым испытанием для 3-го КТП, и потери были тяжелыми. Лучшие люди батальона погибли или выбыли из строя, и подразделение уже никогда не было прежним. Для меня эта операция подтвердила убеждение в том, что «не стоит заводить близких друзей» — слишком много дружеских связей обрывалось внезапно. Люди, выжившие в этой затянувшейся кампании, вернулись в Египет, не спав под крышей более двух месяцев. Почти всё время погода была холодной и сырой, что делало жизнь еще более несносной. Те, кто вернулся после операции *Crusader* и сражения у Сиди-Резега, были изможденными и обветренными, и, хотя мы страстно желали свежего мяса и овощей, мы считали, что никогда не были в лучшей физической форме. Мы были утомлены, но нас подбадривала мысль о довольно долгом периоде отдыха среди «злачных мест» Каира и Александрии.

Я страдал от «пустынных язв». В танке на каждом шагу задеваешь за металл, и если в порезы попадала грязь, песок или масло, они практически не заживали, пока ты находишься в пустыне. Как только мы вернулись в Дельту, они прошли как по волшебству. Также я был подвержен сильным солнечным ожогам, и во время пребывания в пустыне кожа на моем лице «облезала» каждые три-четыре дня.

С января по март 1942 года мы наслаждались временем, проводимым в Каире, одновременно занимаясь ремонтом танков и принимая пополнение; наши потери в личном составе на нижних уровнях были тяжелыми. Потери среди офицеров также были серьезными: наш командир, подполковник Банни Юинс (Bunny Ewins), убыл по болезни, два командира эскадронов были тяжело ранены, а большинство командиров взводов выбыли из строя — необходимо было искать замену.

Наш новый командир был очень желанным — подполковник *Пип* Робертс (Philip *Pip* Roberts, 1906-1997), офицер Королевского Танкового Полка, которого я знал еще субалтерном в 3-м КТП до войны. Он служил бригадным майором в 4-й Танковой Бригаде во время успешной кампании генерала Рэда О'Коннора (Richard O'Connor) и высоко ценился как тактик танкового боя. В то же время к нам присоединились два новых командира эскадронов, майор Джим Хаттон (Jim Hutton) и майор Алек Дойг (Alec Doig), которые весьма успешно помогли вновь сплотить батальон в грозную боевую часть.

Мы также получили несколько новых офицеров во взводы, хотя их требовалось еще больше. Командиры эскадронов рекомендовали меня и еще одного сержанта, Бада Харнеда (Bud Harned), который получил медаль *За Отличие в Службе* во время операции *Crusader*), к немедленному производству в офицеры. Мы прошли собеседование у нашего нового командира полка, затем у командира дивизии, генерал-майора Джока Кэмпбелла, кавалера *Креста Виктории*, и присвоение офицерских званий было утверждено.

Обычно при производстве в офицеры из рядового состава полагалось отправляться в Офицерскую Кадетскую Учебную Часть (OCTU) на шесть месяцев, но это означало бы возвращение в Великобританию и Сандхерст. Полковник Робертс, остро нуждавшийся в командирах взводов, наложил вето на эту идею, документы были оформлены на месте, и мы просто перешли из сержантской столовой в офицерскую.

Я получил специальное пособие на экипировку в размере 48 фунтов стерлингов, взял два дня отпуска в Каире, полностью переоделся и доложил о прибытии своему новому командиру эскадрона, майору Джиму Хаттону, сияя двумя новыми «звездочками» (pips) на каждом плече. Поскольку я был произведен в офицеры из чина уорент-офицера второго класса, я автоматически стал старшим субалтерном в батальоне в звании полного лейтенанта. Меня назначили командиром 3-го Взвода в Эскадроне *A* - разведывательном эскадроне.

Во время своего короткого и суматошного отпуска в Каире я воспользовался возможностью посетить пару развлекательных заведений, которые ранее были закрыты для рядового состава, таких как отель *Shepards*, Groppi и заведение мадам Бардиа. Заведение мадам Бардиа было очень фешенебельным, и там можно было встретить большинство офицеров Генерального Штаба (GHQ) и даже иногда короля Фарука. В первый же вечер у мадам Бардии я познакомился с Азиззой, одной из её знаменитых танцовщиц живота. Мы стали довольно дружны и во время последующих увольнительных в Каире встречались часто. Она приветствовала меня словами: «А, Билл! Ты вернулся». Вскоре после того, как я провел вечер с Азиззой в её роскошных апартаментах, мне сообщили, что она — любимая танцовщица короля Фарука, и предупредили, что разумнее будет прекратить визиты. Я внял намеку.

Эскадрон *A* был оснащен танками *Stuart*, быстрыми и легкими, но вооруженными только 37-мм пушкой. В то же время тяжелые эскадроны, *A* и *B*, перевооружались на новые американские танки *Грант/Grant*, только что прибывшие в Дельту. Это был наш первый танк, оснащенный 75-мм пушкой, способной стрелять как фугасными, так и бронебойными снарядами, что стало долгожданной новостью для экипажей. До этого момента мы довольствовались сомнительным удовольствием от танков с двухфунтовой пушкой, стрелявшей только бронебойными болванками.

Кроме того, *Грант* был оснащен 37-мм пушкой в башне, что делало его самым защищенным танком на тот момент. Он был довольно быстрым, с максимальной скоростью на дороге около 25 миль в час, хорошо бронированным и считался способным одолеть в бою любой танк или противотанковую пушку противника, за исключением 88-мм орудий. Экипажи *Грантов* сочли свой новый танк и вооружение идеальными, и мы с нетерпением ждали встречи с *панцерами* на более или менее равных условиях. Я был в процессе освоения роли офицера и подготовки своего взвода. Многие мои новые экипажи прибыли из других формирований — 8-го Гусарского, 4-го Гусарского и других кавалерийских полков, но все они были обучены как танкисты и очень скоро влились в наши ряды. В этой работе мне умело помогали два моих капрала — командиры танков, Кайт и Рэй, которые к этому времени уже считались ветеранами.

После финальных учений в глубине района Вади-эль-Натрун/Wadi-el-Natrun нас наконец сочли готовыми к очередной поездке в зону боевых действий (up the blue). Теперь мы входили в состав 4-й Танковой Бригады, тех самых *Крыс Пустыни/Desert Rats*, нашими соседями по бригаде были 8-й Гусарский и 5-й Танковый полки.

Танки Грант в Африке

Мы выдвинулись к своим позициям на линии фронта частично по железной дороге, частично своим ходом. 8-я Армия снова закрепилась, чтобы совершенствовать оборону, тренироваться и готовиться к новой атаке. Она занимала линию к западу от Тобрука, которая тянулась на сорок пять миль от Газалы на побережье до Бир-Хакейма — заброшенного водопоя, вокруг которого оборонительные позиции были вырублены в основном в твердой скале. Наши пехотные части удерживали серию размещенных вдоль фронта автономных позиций, защищенных минными полями; их называли *боксами/boxes*. 4-я Танковая Бригада располагалась в тылу этих *боксов*, и нам сообщили, что Роммель может начать атаку примерно 28 мая.

Мы оставались в этом месте несколько недель, отрабатывая выдвижение на боевые позиции на случай, если Роммель решит совершить обходной маневр к югу от Бир-Хакейма. Это было крайне тяжелое время в самых неуютных обстоятельствах. Температура в полдень превышала 110 градусов (около 43°C), и жизнь в танке была почти невыносимой; даже мухи дохли внутри. На задней части танка можно было пожарить яичницу. Что еще хуже, это был сезон *хамсина* — горячего ветра, который приходит из южной Сахары, налетает за считанные мгновения и может длиться два-три дня. Пока дуют эти ветры, делать что-либо невозможно, и уж точно невозможно любое движение: видимость падает максимум до десяти ярдов. Единственным плюсом было то, что на врага они действовали точно так же.

Находясь в ожидании, мы несколько раз репетировали выдвижение на боевые позиции. Поэтому, когда прозвучал сигнал тревоги, извещающий о том, что Роммель действительно начал продвижение вперед, большинство из нас подумало, что это просто очередная тренировка. Очень скоро мы узнали, что на этот раз всё по-настоящему.

Сражение на *Линии Газала*

Вид *Африканского Корпуса*, занимающегося своим делом, никогда не был приятным. В бинокль с дистанции 3 000 ярдов это выглядело воплощением зла, даже в погожее весеннее утро.

Беспокойство, терзавшее лагерь всю ночь, было вполне обоснованным. Большинство людей были на ногах в утренних сумерках уже с 03.30 утра. Необычно большое количество осветительных ракет медленно опускалось в направлении 3-й Индийской Моторизованной Бригады, занимавшей гряду примерно в девяти милях от нас на крайнем левом фланге позиции Газала.

Мы хорошо знали это место, так как оно было разведано и выбрано в качестве одной из потенциальных боевых позиций. Все, что нужно было сделать штабу бригады — это дать кодовое слово, и мы бы выступили. Мы находились в состоянии боевой готовности до 6 утра и успели прилично позавтракать; затем в 7:30 пришло кодовое слово: «По местам — заводить!», и батальон, который к этому времени был собран и готов, двинулся в путь: Эскадрон *А* шел впереди, мой взвод — справа.

Милашки на скорости преодолели около двух миль, а затем остановились, чтобы поближе разглядеть непрерывное, но неясное движение впереди. Поскольку всей 4-й Танковой Бригаде было приказано собраться в заданной точке перед выходом на гряду, облако пыли могли поднять и свои, хотя 3-й КТП должен был идти во главе клина с 8-м Гусарским Полком слева и 5-м КТП справа. Таинственные тени в мареве не выглядели дружелюбными. Прежде чем мы смогли точно идентифицировать их, полковник вышел на связь по радио и сообщил Джиму Хаттону, моему командиру эскадрона, что ночью индийцы были смяты, и велел быть начеку. Нам не пришлось долго искать. Дымка, которая уже мешала наблюдению, не могла скрыть тот факт, что только танковая группа немцев могла двигаться столь расчетливо — развернувшись по широкому фронту и тщательно регулируя скорость для облегчения управления и экономии топлива.

Мы поехали вперед, чтобы рассмотреть их поближе. С 2 000 ярдов их расплывчатые контуры приобрели четкость и превратились в танки Pz. *III* и *IV*, выстроившиеся шеренгами. Их колонна уходила в непроглядную даль. Суть доклада Джима Хаттона заключалась во фразе: «...повторяю, 200 танков». Если это и было преувеличением, то не слишком большим. Я начал тщательно их считать — один, два, три, четыре — до двадцати в первом ряду, и они шли быстрее, чем мне сначала показалось. Дистанция сокращалась до 1500 ярдов. Остальная часть батальона была в 2000 ярдах позади нас. Теперь посчитаем количество их рядов — один, два, три, четыре... «Окей, *Додо* (позывной Эскадрона *В*) — уходите вправо СЕЙЧАС. Мы занимаем боевую позицию на гряде прямо в вашем тылу, цифрами: один пять ноль ноль ярдов — выделить один взвод для занятия позиции на левом фланге, где мы вскоре ожидаем друзей. Эскадрону *А* защищать наш левый фланг. Конец связи». Командир батальона продолжил отдавать приказы эскадронам, оснащенным *Грантами*, и мы поспешили уйти с линии огня.

Со стороны немецких танков полыхнули вспышки, и резкие хлопки над головой возвестили о пролете снарядов. Эскадроны *В* и *С* выстроились в длинную линию, используя для укрытия гряду настолько, насколько позволяло низкое расположение 75-мм орудия в спонсоне. Примерно на 1200 ярдах от противника полковник отдал приказ открыть огонь, и, говоря морскими терминами, началось общее сражение. [Немецкая] 15-я Танковая Дивизия (как они были опознаны позже), должно быть, испытала сильный шок. Они использовали свою обычную тактику с противотанковыми пушками калибром до 88 мм, развернутыми позади наступающих волн. Полагая, что перед ними танки, вооруженные только двухфунтовками — они могли даже предположить, увидев разведывательный эскадрон, что *Гранты* - это те же *Милашки*, они сбавили скорость на дистанции, которая в обычных обстоятельствах заставила бы нас сблизиться с ними и понести неизбежные потери. Вместо этого они встретили сосредоточенный и разрушительный огонь.

75-мм орудие М-2 в спонсоне *Гранта* стреляло 14-фунтовым снарядом, который мог нанести серьезный ущерб с дистанции 1 500 ярдов и пробить самую толстую броню *Pz. III* с расстояния 1 200 ярдов. Более того, *Гранты* обладали дополнительной огневой мощью

своих 37-мм пушек в башнях, что в данном случае равнялось двум эскадронам *Милашек* или *Крусейдеров*. Вдоль линии танков из пушечных стволов вырвались языки пламени, и настоящий вихрь из прочной стали пронесся над землей. Попадания были зафиксированы обеими сторонами почти сразу. *Панцеры*, которые до этого медленно ползли вперед, замирали на месте, когда от них отлетали куски брони. Пара *Грантов* загорелась. Один танк взорвался. Сквозь расходящийся дым было видно, как экипажи, пошатываясь, уходят в тыл.

С тех пор как первый бронебойный снаряд просвистел мимо меня в Кале, я носил наушники на шее, веря, что так лучше смогу определить направление, с которого летят снаряды. В первой перестрелке на этой безликой гряде близ Бир-Хакейма звуки на мгновение слились в мучительный «боевой шум». Заботясь о том, чтобы не пропустить подход 5-го КТП на нашем фланге, я обшаривал местность биноклем и передал управление 37-мм пушкой Троттеру, моему наводчику. Взгляд внутрь башни открывал картину лихорадочной деятельности: заряжающий дергал рычаг, чтобы выбросить пустую гильзу, и досылал следующую. Каждые несколько минут я приказывал: «Водитель, вперед вправо на несколько ярдов» или «Водитель, назад влево». *Гранты* были достаточно большими машинами, чтобы стоять на месте и обмениваться ударами, но *Милашка* должна была максимально усложнять задачу вражеским наводчикам.

Во время короткой паузы, чтобы сложить поближе боеукладку, мой заряжающий, рядовой Олвуд (Allwood), привлек мое внимание и показал на наушники. Я прислушался и понял из обрывочных фраз, что 8-й Гусарский Полк был застигнут врасплох и вынужден вступить в бой прямо в районе лагеря, прежде чем они успели развернуться должным образом. После тяжелых потерь, понесенных в ожесточенном ближнем бою, их численность сократилась до нескольких машин. Столб дыма далеко слева, вероятно, указывал место катастрофы.

Гранты 3-го КТП продолжали вести бой, но как только выбивали один *панцер* в первом ряду, вперед выкатывался другой, чтобы занять его место. Было ясно, что это не может продолжаться бесконечно. Темп стрельбы уже начал падать, хотя наши артиллеристы из батареи *Chestnut* 1-го Полка Королевской Конной Артиллерии быстро подключились к делу и осыпали снарядами дальние цели. По мере того как все больше и больше немецких противотанковых орудий вступало в бой, *Грантам* становилось все труднее. Защищенные броней от большинства танковых пушек, они не могли устоять перед 75-мм и 88-мм орудиями. Я видел, как одна или две наши машины медленно выходили из боя задним ходом с пушками, задранными под нелепыми углами. Другие, застыв с перебитыми гусеницами, вели эпизодический огонь из того или иного орудия. Наличие пушек большего калибра означало, что огонь ведется снарядами большего размера, но с меньшей скорострельностью. Две пушки означали двух наводчиков, двух заряжающих. С экипажем в шесть человек места для боеприпасов оставалось не так много.

Эскадроны *B* и *C* остановились вдоль пологой гривы и с большим успехом вели бой с немецкими танками. Атакующие *панцеры* были буквально остановлены на месте: одни замирали, выбрасывая ошметки металла, другие вспыхивали, и танкисты выпрыгивали из них, спасая свои жизни.

Мне было приказано выдвинуться на правый фланг и высматривать 5-й КТП, шедший нам на помощь. Мои наводчик и заряжающий не нуждались в советах или приказах; они были заняты обстрелом вражеских танков, которые все еще продвигались вперед, хотя и медленно. Несмотря на то, что *Гранты* держались достойно, они несли потери, и я видел несколько наших машин, охваченных пламенем. В нас попадало всё подряд, и было трудно разобрать, что происходит. Воздух пропах густым пороховым дымом, глаза покраснели и слезились. Время от времени раздавался ужасающий удар, и внутренность танка заполнялась пылью и искрами, пока машина качалась на своих тележках. Несмотря на шум и дым, мы продолжали добиваться попаданий. Младший капрал Троттер, мой наводчик,

восторженно сообщил мне, что добился прямых попаданий в два *панцера* почти в упор и видел, как их экипажи покинули машины. Я оказался немного изолирован от остального эскадрона, но получал по радио инструкции от Джима Хаттона пытаться поддерживать контакт с 5-м КТП.

Мы расходовали боеприпасы с огромной скоростью, и я испытал облегчение, когда командир полка вышел на связь и приказал нам медленно отходить, продолжая вести огонь. При отходе я наткнулся на подбитый *Грант*, рядом с которым понуро стоял экипаж. Это был танк Бада Харнеда - ему оторвало голову снарядом в самом начале боя. Вскоре после этого я почувствовал ужасающий удар по своему танку, за которым последовал крик снизу: «Покинуть машину!»: мы стали мишенью для нескольких вражеских танков, которые подобрались ближе, почти невидимые в мареве и пыли. Снаряд пробил передний броневой лист, легко ранив водителя, младшего капрала Колклафа. Когда я осмотрел танк после того, как мы его покинули, я был удивлен, обнаружив, что в нас попали пять раз без пробития брони.

Я принял под командование четвертый танк в моем взводе, к некоторому неудовольствию капрала — командира танка, которому было велено спешиться. Я оставил Троттера и Олвуда, которые не пострадали, но взял запасного водителя, рядового Эванса/Evans. Младший капрал Колклаф не был тяжело ранен, но нуждался в лечении; он вернулся в строй через три-четыре недели. К этому времени большинство *Грантов* вышли из строя, оставшиеся собрал полковник Робертс, продолжая вести бой с наступающими танками. Сам Робертс с примерно семью *Грантами* вел тяжелый бой против вражеских танков и пары 88-мм противотанковых пушек, которые подошли для поддержки *панцеров*.

Эскадрон *А*, или то, что от него осталось, должен был попытаться обойти противника с фланга, но ситуация была настолько запутанной, а связь настолько плохой, что мы оставались на правом фланге, всё еще надеясь, что 5-й КТП придет нам на выручку. В этот момент танк полковника Пипа был подбит и выведен из строя: снаряд прошел сквозь носовую часть и вышел сзади, но весь экипаж остался невредим. Это означало, что командиру пришлось менять танк, что заняло некоторое время в такой критический момент боя.

Следующие несколько дней, казалось, состояли из серии приказов, контрприказов и, временами, полного беспорядка. Сильно поредевший 3-й КТП сначала двинулся на северо-восток, приданный 22-й Танковой Бригаде, затем на следующий день — к юго-востоку от Бир-Хармета. В батальоне осталось всего семь *Грантов* и двенадцать *Милашек*. Поскольку мой командир эскадрона Джим Хаттон был тяжело ранен и эвакуирован, а также были потеряны два командира взводов — один убит, а другой, Алек Дойг, ранен — наш офицерский состав сильно сократился. Что еще хуже, Джордж Уизеридж, единственный остававшийся в строю командир эскадрона, также был ранен осколками снаряда в глаза, и ему тоже пришлось отправиться в тыл.

Затем нам велели вернуться в район расположения 4-й Танковой Бригады, и здесь мы подобрали еще несколько батальонных танков, которые каким-то образом оказались изолированы. Теперь силы батальона составляли пятнадцать *Грантов* и четырнадцать *Милашек*, включая *Грант* полковника Робертса и две *Милашки* штаба полка. Из командиров взводов остались только я в 3-м Взводе и Джонни Данлоп (Johnny Dunlop) в 4-м.

Мы получили приказ от командира батальона — напрямую, в отсутствие Джима Хаттона — на полной скорости следовать к уступу, находившемуся примерно в двух милях впереди. К несчастью, примерно в это время поднялась песчаная буря, и видимость упала до десяти ярдов. Оставалось только остановиться, попытаться удержать танки вместе и надеяться на улучшение видимости. Действительно, погода улучшилась, и мы снова двинулись к уступу,

взвод Джонни Данлопа шел слева от меня. Мы были в 2000 ярдах впереди *Грантов* и штаба батальона; нам следовало остановиться рядом с уступом и ждать дальнейших приказов. Достигнув его подножия, мы обнаружили только две тропы, ведущие наверх. Я доложил об этом полковнику и получил приказ подниматься и занять оборонительные позиции, пока тяжелые танки будут совершать подъем по очень крутым тропам.

Выбравшись наверх, мы немедленно попали под огонь вражеских танков, занимавших отличные позиции в 1000 ярдах к западу. Мой танк снова был подбит, что вынудило меня покинуть машину; водитель и заряжающий/радист получили легкие ранения. Я видел, что два танка Данлопа также были подбиты, но, с верхней бровкой уступа за спиной, было трудно найти безопасное место. *Гранты* тем временем поднялись наверх и при поддержке батареи двадцатипятифунтовок вступили в бой с противником на близкой дистанции, нанеся ему потери за считанные мгновения. Храбрые артиллеристы вели огонь прямой наводкой с расстояния от 600 до 800 ярдов и действовали весьма эффективно.

Гранты теперь находились под командованием капитана Грэнтона (Granton), офицера, который лишь недавно присоединился к нам, и, хотя они держались хорошо, несли потери. Мы были в бою всего около пятнадцати минут, но число *Грантов* уже сократилось до шести, а *Милашек* — до пяти. Я к тому времени пересел в другую машину своего взвода, и рядом со мной оставался только один танк.

Затем нам был нанесен сокрушительный удар: танк полковника Робертса был подбит и вспыхнул. Командир батальона и его адъютант, находившиеся в одном танке, получили тяжелые ожоги, наводчик 75-мм орудия был убит, радист тяжело ранен, а наводчик 37-мм пушки также сильно обгорел. Нам удалось спустить раненых вниз с уступа туда, где доктор Макмиллан, наш врач, развернул свой медпункт. Полковника Робертса, Питера Бэрра (Peter Burr) и радиста погрузили в санитарную машину и отправили в госпиталь Тобрука.

Эта неудача ознаменовала конец сражения для 3-го КТП, и, хотя следующие два дня мы провели, получая приказы и контрприказы, заметных действий не было. Нас объединили с 5-м КТП, настолько поредели оба батальона, и неудивительно, что мы получили приказ вернуться в Дельту для отдыха и переформирования. Последовал период затишья и дальнейшей реорганизации. Подполковник Робертс покинул батальон по возвращении из госпиталя: он получил повышение и отправился командовать 22-й Танковой Бригадой. Боб Крисп, тяжело раненный под Сиди-Резегом, вернулся и принял командование Эскадроном *А*. Я, недавно получивший звание капитана, стал его заместителем, по-прежнему оставаясь командиром 3-го Взвода.

Нашим новым командиром батальона стал подполковник Пит Паймэн (Pete Pyman), который был штабным офицером в 7-й Танковой Дивизии в большинстве предыдущих сражений. Таким образом, он был чрезвычайно опытным человеком, но это была его первая командная должность на полковом уровне. Мы несколько опасались, как он будет выглядеть в сравнении с нашим любимым Пипом Робертсом. Беспокойство было напрасным. Он стал одним из наших лучших и надежных командиров, отличным тактиком и очень заботливым в отношении экипажей. Подтверждением этому служит тот факт, что к концу войны он стал генерал-майором, как и Пип Робертс.

Примерно в это время стали популярны *Колонны Джока/Jock Columns*. Это были рейдерские механизированные колонны, действовавшие независимо в тылу врага. Обычно они состояли из танкового эскадрона, батареи двадцатипятифунтовок и роты моторизованной пехоты. Считалось, что их рейды были захватывающим занятием, но командиры батальонов их явно не любили, так как это лишало полк или батальон значительной части его сил. Тем не менее, это понравилось Бобу Криспу, и он немедленно вызвался сформировать колонну из Эскадрона *А*. Полковник Паймэн, хотя и с некоторой неохотой, согласился, и мы отправились в путь. Около восьми недель мы болтались по

пустыне, мало чего достигнув. У нас была пара мелких стычек, мы захватили пару бронеавтомобилей и полугусеничных машин с 75-мм противотанковыми пушками. Также мы обстреляли вражеский аэродром неподалеку от Эль Адема/El Adem. Именно во время этой операции произошел первый, по крайней мере на моей памяти, инцидент с неповиновением. Я был на некотором расстоянии от танка Боба Криспа, когда увидел, что он остановился. Боб и его водитель явно вели яростный спор. Я подскочил туда, увидев, как Боб достал револьвер и собирался застрелить Гиллеспи (Gillespie), своего водителя. Боб был вне себя от ярости: «Вернись в танк, или я за себя не ручаюсь. Я серьезно». - «Делай что хочешь. Сам веди эту чертову штуку. С меня хватит». Я сказал Гиллеспи: «Давай, ты должен вернуться назад». Он просто покачал головой. Я отвел Боба в сторону и сказал: «Оставь его в покое. Мы разберемся с ним позже». Гиллеспи отправили назад с экипажем подбитого танка, и, насколько я понял, его судил трибунал, но я не знаю, что с ним стало потом. Это был необычный случай, по крайней мере в 3-м КТП, но понятный, если учесть, что Гиллеспи, хороший водитель, уже выбирался из трех или четырех подбитых танков, когда возил Боба Криспа. Рано или поздно запас мужества подходит к концу.

Во время этих довольно безрезультатных операций в составе рейдерской колонны мой собственный танк снова был подбит снарядом 75-мм противотанковой пушки. Танк загорелся, большая часть моего экипажа получила сильные ожоги и нуждалась в эвакуации. Моя нога тоже обгорела, но, как мне показалось, не слишком сильно, поэтому я наложил повязку и остался в строю. Через два-три дня нога была уже в довольно плохом состоянии, и меня пришлось отправить в тыл. Потребовалось пять дней, чтобы добраться до пункта сбора раненых, но оттуда меня отправили в прекрасный госпиталь под Каиром, где я провел четыре приятных недели под хорошим присмотром, после чего последовали две недели выздоровления в хосписе леди Лэмпсон (Lady Lampson) на берегу Нила. Это был завидный бонус после госпиталя — место только для офицеров, с отличной едой и размещением в великолепном доме леди Лэмпсон. Еженедельные специальные ужины-танцы, на которых присутствовали отборные египетские красавицы, были темой обсуждения во всем Каире.

Когда я вернулся в батальон, он готовился вернуться на линию фронта, которая теперь формировалась у Эль-Аламейна. Мы снова вошли в состав другого соединения — 8-й Танковой Бригады 10-й Танковой Дивизии. Нашими «собратьями» по бригаде были два совершенно новых подразделения: Ноттингемширский Полк/Sherwood Rangers и Стаффордширский Йоменский Полк. Оба полка находились на Ближнем Востоке уже некоторое время, дислоцируясь в Палестине, все еще со своими лошадьми. Они были чрезвычайно хорошо обучены кавалерийским процедурам, рвались в бой, но еще не имели боевого опыта. Незадолго до того, как они должны были присоединиться к нам в пустыне, меня отправили в Палестину с группой сержантов, чтобы помочь им в обучении использованию новых танков.

Каждый полк, включая 3-й КТП, теперь включал в себя два тяжелых эскадрона танков *Шерман/Sherman* и легкий эскадрон *Крусейдеров*. *Крусейдер*, хотя и был быстрым танком, все еще был оснащен лишь двухфунтовой пушкой. *Шерман* имел 75-мм пушку, еще не испытанную в бою, но нам нравился его вид, и выдвинувшись в район сосредоточения за *Эль-Аламейнской Линией*, мы ощущали уверенность в себе. Я не думаю, что кто-то из нас тогда понимал, что мы приближаемся к критическому этапу кампании в пустыне и что битва при Эль-Аламейне станет поворотной в судьбе 8-й Армии.

Сражение под Эль-Аламейном: первые проблемы

Мы находились в районе сосредоточения уже несколько дней, привыкая к нашим новым танкам и обучая пополнение. Я болтал с Баком Кайтом (Buck Kite) и Джорди Рэем: «Что вы думаете о *Шермане*?» «Он чертовски велик, — сказал Джорди. - Немецкие танкисты и

расчеты 88-х устроят себе праздник». Бак также был немного обеспокоен высотой танка и считал, что он представляет собой слишком легкую мишень для немецких наводчиков. Оба они были довольны 75-мм пушкой, способной стрелять как фугасными, так и бронебойными снарядами. Впоследствии их правота подтвердилась, и мы несли большие потери: танки вспыхивал при попадании в них. Танку дали довольно мрачное прозвище — *Печка для Томми/Tommy Cooker*.

В ходе многочисленных обсуждений предстоящего сражения нам сообщили, что «шарик, скорее всего, взлетит» примерно 23 октября. И действительно, вечером 23-го числа мы выдвинулись ближе к линии фронта. Когда мы остановились около 21.00, мы продвинулись примерно на восемнадцать миль от района сосредоточения до точки прямо перед массивным скоплением нашей артиллерии — двадцатипятифунтовок и орудий средних калибров. Мы также находились прямо за нашими минными полями.

Хотя, находились чуть ли посреди орудий мы ожидали определенного шума, когда наша артиллерия откроет огонь, и, когда это случилось, грохот и взрывные волны были ужасающими. Нам было приказано оставаться в танках и нести дежурство в башнях с работающими на холостом ходу двигателями. Даже сквозь весь этот шум снаружи и внутри танков я все равно слышал звуки волынок: это Дивизия Горцев/Highlanders пыталась пробиться через минное поле к гряде Митейрия/Miteiriya, которая также должна была стать нашей первой целью. В течение полутора часов артиллеристы продолжали свой обстрел - ярко светила луна, и мы видели, как *горцы* рота за ротой идут в атаку шеренгами, почти как на учениях. Только оглушительный рев орудий позади и грохот разрывов впереди указывали на разницу. Мы съежились в башнях наших танков, напрягая глаза, чтобы увидеть, что происходит. Мы видели, как доблестные шотландцы неуклонно продвигаются вперед; то здесь, то там их фигуры спотыкались и в конце концов падали ниц.

Вражеские пулеметы прочесывали местность, и лично я был чрезвычайно благодарен за то, что меня окружает броня. Вокруг свистело некоторое количество бронебойных болванок, но мы были так далеко за пределами расстояния их эффективного действия, чтобы они могли нанести танкам какой-либо ущерб. Внезапно канонада прекратилась. Тишина была почти жуткой, слышны были только звуки волынок вдали и редкие пулеметные очереди. Это был момент, который я никогда не забуду. Нам приказали наступать: предстояло преодолеть две полосы в минном поле, прежде чем мы сможем развернуться и двинуться к нашей первой цели на гряде.

Я отдал приказ по радио наступать и со своим 3-м Взводом медленно двинулся вперед по размеченным лентами проходам, которые проделали саперы. Я видел саперов, все еще расчищавших мины по обе стороны от нас, а командир полка торопил меня. Мы продвинулись всего на двести ярдов, когда меня остановил сапер и сказал, что его отделение практически полностью уничтожено, а путь не расчищен. Танки скапливались позади меня, когда появился спешившийся Боб Крисп: «Что за чертовщина происходит, Билл?» - «Мы не можем идти дальше, минное поле все еще не расчищено». Я был так же раздражен, как и Боб, но мне все равно не хотелось застрять на минном поле с наступлением рассвета. В полумраке мы видели шотландцев, все еще пытавшихся пробиться через минное поле. Мы также видели хаос, который посеяли среди них вражеские пулеметы: повсюду лежали их мертвые тела.

Снова открылся заградительный огонь, вражеские самолеты сбросили осветительные ракеты, и вдруг все сразу завертелось. Самолеты сбрасывали бомбы: две упали рядом с моим танком и встряхнули его. Я почувствовал, как несколько осколков ударили в танк, и пригнулся в башне чуть ниже. Вокруг летали и бронебойные снаряды; я видел, как несколько танков позади меня были подбиты, и их экипажи покидали машины. Меня все еще умоляли сзади двигаться вперед, но выйти из проходов было невозможно. Ситуация стала довольно запутанной, а хаос позади был еще хуже. Мы могли только надеяться, что

саперы расчистят проходы до рассвета. Если нет, у нас будут настоящие неприятности. Один танк в моем взводе был подбит, но экипаж смог покинуть его и благополучно уйти в тыл.

Наконец ко мне подошел сапер и сказал, что мы можем двигаться дальше, так как теперь они считают, что расчистили минное поле. Мы медленно поднялись на гряду и, имея теперь место для рассредоточения, получили возможность атаковать вражеские цели по мере улучшения видимости. Теперь и *Шерманы* смогли подняться на гряду и вступить в бой с вражескими противотанковыми пушками, которые делали нашу жизнь столь неуютной, пока мы торчали на минном поле. 75-мм пушка *Шермана* теперь доказывала свою эффективность и работала с хорошим результатом.

3-й КТП и *Стаффордширцы* закрепились на гряде, но все попытки продвинуться дальше были отражены скрытыми противотанковыми пушками, находившимися на ее обратном скате, и мы были вынуждены оставаться на позициях *танк в окопе*. Нам, легкому эскадрону, приказали выдвинуться на фланг, чтобы предотвратить любое проникновение противника на позиции *Шерманов*. В любом случае, от наших двухфунтовок было мало толку в этой перестрелке на истощение.

Следующие два дня, 24 и 25 октября, прошли в хаотичных боях, которые осложнились тем, что было обнаружено еще одно минное поле, когда 3-й КТП и *Стаффордширцы* попытались продвинуться вперед за гряду Митейрия. Оно, судя по всему, не было нанесено на карты, и саперы потеряли много людей, прежде чем в конце концов смогли его расчистить. В очередной раз вражеские противотанковые расчеты смогли в полной мере воспользоваться трудным положением, в котором были танки при выходе с минного поля до того, как они успевали рассредоточиться, и у нас было много потерь.

Сражение стало затягиваться, и в течение следующих нескольких дней не было достигнуто никакого реального прогресса. У нас было довольно много потерь в ходе нескольких небольших стычек с вражескими танками, в основном из 15-й и 21-й танковых дивизий. 29 октября Эскадрон *А* был отправлен на самостоятельную разведку в район Тель-эль-Аккакира/Tel-el-Akkakir. Считалось, что поблизости концентрируется немецкая бронетехника, но предыдущие попытки провести там рекогносцировку были сорваны. Несколько немецких танков *Pz. III*, действовавших под прикрытием ряда противотанковых орудий, доставили нам особенно много хлопот.

Джорди Рэй, мой взводный сержант, шел впереди меня, когда мы крались вперед ранним утром, стараясь использовать в качестве укрытия остовы танков, подбитых в предыдущем бою. Нам удалось зайти в тыл нескольким машинам *Pz. III* прежде, чем они нас заметили, и, открыв огонь из наших двухфунтовок, мы подбили три или четыре из них. Наводчик танка Джорди немного увлекся — он был новичком в пустыне — и начал стрелять из своего пулемета *Беса/Беза* по вражеским экипажам, когда те покидали машины. Джорджи велел ему оставить их в покое: считалось непозволительным стрелять по экипажу танка в таких обстоятельствах. Вражеские противотанковые расчеты, увидев, что несколько своих машин объяты пламенем, поняли, что мы находимся позади их позиций, и открыли по нам огонь - под сильным обстрелом мы были вынуждены отойти. Тем не менее, мы смогли доложить о присутствии части 21-й Танковой Дивизии на позиции к северу от Тель-эль-Аккакира.

На следующий день 8-я Танковая Бригада с 3-м КТП на острие атаки сумела обойти Тель-эль-Аккакир и пустилась в погоню за *панцерами*, которые в полном беспорядке отступали. Немцы были мастерами в использовании заслонов из противотанковых пушек, и раз за разом нас задерживали, иногда на целый день. Полковник Паймэн решил, что нам следует прорываться вперед, и даже пытался двигаться ночью, но это оказалось сложным, так как мы постоянно смешивались с тем или иным из наших соседних полков. К тому же было холодно и сыро, и мы не были обучены ночным операциям, поэтому, хотя наш командир

батальона просил разрешения двигаться вперед, бригада приказала нам встать на ночь лагерем.

На следующее утро мы продолжили преследование, и батальон настиг отступающие итальянские танки у прибрежной дороги в Галале/Galala, где в довольно одностороннем бою было уничтожено двадцать вражеских машин. Вскоре после этого разверзлись хляби небесные, и в течение нескольких часов шел проливной дождь. О продолжении преследования не могло быть и речи, так как пустыня превратилась в сплошное болото, и мы основательно завязли.

Когда погоня возобновилась, Эскадрон *А* с моим взводом был в авангарде, и мы обнаружили, что местами местность чрезвычайно труднопроходима. В одной точке нам пришлось пересекать узкий *вади*, засыпанный валунами. Я отдал приказ Джорди Рэю пересечь его и занять позицию на вершине гряды на противоположной стороне. Я решил следовать примерно по тому же маршруту, но как только я достиг дна *вади*, раздался мощный взрыв, и я обнаружил, что повис на башне под нелепым углом. Противотанковая мина сорвала одну из гусениц танка, а опорный каток рассыпался. Никто не пострадал, но танк был полностью выведен из строя и частично блокировал путь через *вади*. Я немедленно доложил о случившемся по радио, и Боб Крисп сказал, что попытается прислать мне саперов, чтобы расчистить путь. Вскоре прибыл майор-сапер на бронеавтомобиле и собирался объехать танк, когда один из членов моего экипажа, рядовой Эванс, оглядываясь по сторонам в поисках других мин, наступил на противопехотную мину. Эти мины, называемые *S*-минами, были небольшими, но смертоносными, будучи размером примерно с банку из-под варенья, они содержали [вышибной] заряд, который выбрасывал в воздух боевой заряд, взрывавшийся примерно на уровне пояса и разбрасывавший шрапнель. Двое из моего экипажа погибли мгновенно, а майор-сапер был тяжело ранен. Я получил небольшое ранение левой руки. Доктор Макмиллан (McMillan) приехал на своем полугусеничном бронетранспортере, помог остальным всем, чем мог, и перевязал мне руку. Впервые в бою я почувствовал тошноту и чуть не потерял сознание. Врач дал мне пару бодрящих таблеток и предложил на время вернуться с ним. После пары часов отдыха и щедрой дозы лечебного виски я вернулся в эскадрон, принял другой танк и двинулся дальше.

К полудню 3-й КТП снова оказался у минных полей Мерса-Матруха/Mersa-Matruh, и, хотя мы пытались совершить обходной маневр, вражеский арьергард сдерживал нас до темноты. Мы устроились на ночлег, а встав по тревоге на рассвете следующего утра, обнаружили, что враг ускользнул. Я все еще был немного потрясен событиями предыдущего дня, но должен сказать, что после недель в жаре пустыни я с небывалым наслаждением взирал на синее море и колышущиеся пальмы маленького курорта.

На *Линии Марет*: левый хук

Батальон оставался в районе Мерса-Матруха до конца месяца, принимая пополнение в живой силе и танках, чтобы выйти на штатную численности. Это были очень приятные дни, которыми мы все наслаждались в полной мере. Ежедневные поездки на пляж, визит банно-прачечного отряда и, что самое приятное, нам удалось уговорить квартирмейстера обновить нашу изрядно потрепанную и дурно пахнущую одежду. Мы снова почувствовали себя почти людьми. Однако наш командир эскадрона отбыл: Боб Крисп, который никогда не терпел бездействия, изрядно заскучал от нашего вынужденного пребывания в Матрухе и каким-то образом сумел уехать на попутке обратно в Каир. Он доверительно сообщил мне, что ему нужно подлечить зубы.

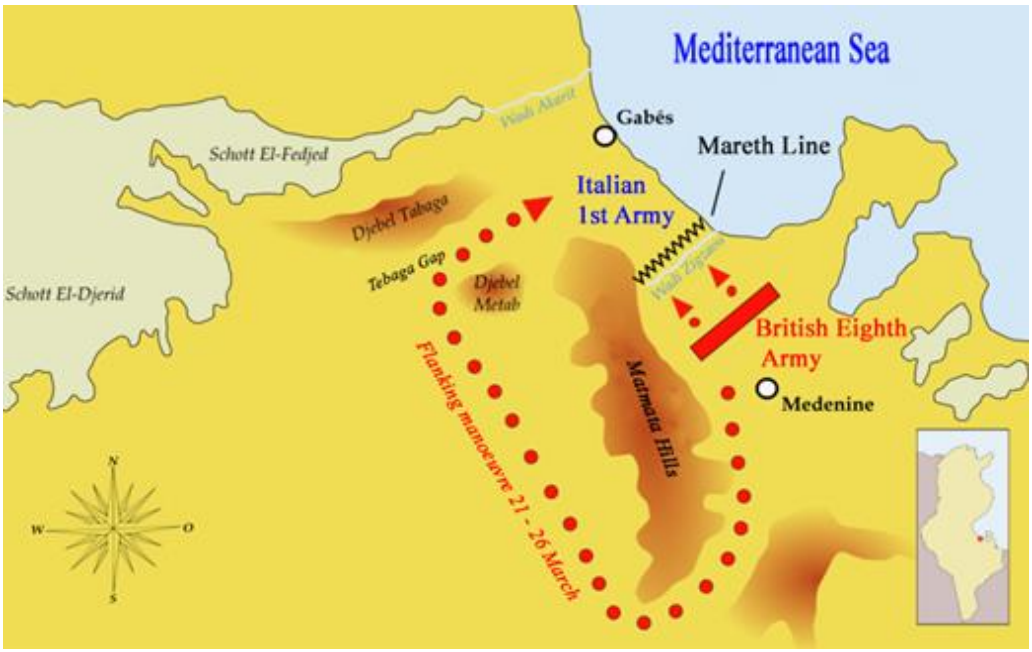
— Присмотри за эскадроном, Билл. Я скоро.

Через несколько дней мы получили приказ двигаться дальше на запад, чтобы соединиться с силами, стоящими перед позициями у Эль Агейлы/El Agheila. Боба Криспа не было! Когда

полковник Паймэн начал расспрашивать меня об этом, мои довольно невнятные оправдания не возымели веса, и мы двинулись дальше без него. Командование эскадроном принял Алек Дойг. Я был немного раздосадован его назначением, так как надеялся сам принять командование, но Алек был очень хорошим офицером и первоклассным командиром танка, несмотря на то, что большая часть его предыдущей службы прошла в Полку Кенийских Стрелков *(вероятно, Восточно-Африканских Стрелков - ВК)*.

Пока мы были в Матрухе, пришли и хорошие новости. Я узнал, что награжден *Военным Крестом* за бои у Найтсбриджа и Газалы, Джорди Рэй — медалью *За Отличие в Службе* за храбрость, проявленную им под Эль-Аламейном, а Бак Кайт — *Военной Медалью*. Тем вечером нам удалось устроить небольшую праздничную вечеринку с помощью порции рома, которую Джорди как-то ухитрился выцыганить у квартирмейстера. Все это было очень приятно, но, когда на следующее утро мы тронулись в путь, у некоторых (включая меня) головы были тяжелыми. Мы наслаждались роскошью передвижения в район сосредоточения на танковых транспортерах — для нас это было в новинку, но это экономило драгоценный ресурс наших гусениц, что было важным фактором для *Крусейдеров* разведывательного эскадрона. Я надеялся, что Боб Крисп на каком-то этапе присоединится к нам, но этому не суждено было случиться. Он был снят с должности, в некоторой степени, с позором, что побудило полковника Паймэна заметить: «Крисп был ценнейшим активом в пустыне и моим самым слабым местом в Каире».

Мы прибыли в наш район примерно 10 марта, и нам сообщили, что бригада присоединится ко 2-й Новозеландской Дивизии для выполнения особой задачи, о которой мы пока не знали. Полковник Паймэн созвал совещание всех офицеров, и мы узнали, что фронтальная атака на [Линию Марет] через *вади* Зигзау/Zigzaou провалилась, и британские войска понесли тяжелые потери. Новозеландская Дивизия, усиленная нашей бригадой, разведывательным батальоном Королевских Драгун-Гвардейев, артиллерией и различными вспомогательными частями (включая силы *Свободной Франции* под командованием генерала Леклерка), должна была попытаться совершить широкий обходной маневр — *левый хук* — на юг и запад через Фум-Татауин/Fum Tatahuin.



Схематическая карта, иллюстрирующая расположение Линии Марет, возвышенности Матмата и Тебагского прохода и направление обходного маневра 8-й Армии

Переброска соединения численностью 27 000 человек и 6 000 машин, танков и орудий на 350 миль через незнакомую местность казалась нам, старым воякам, сложнейшей задачей. Танки должны были перевозиться на транспортерах насколько это возможно, но ожидалось, что рано или поздно нам придется идти своим ходом. Передвижение также должно было осуществляться ночью — опять же, по возможности.

Так и вышло. Поначалу путь для транспортеров был относительно легким, но позже местность стала непроходимой, несколько транспортеров застряли, и мы были вынуждены выгрузить танки. Передвижение ночью без огней трудно для любых войск, но для танков это кошмар — командиры выглядывают из башен с глазами, забитыми пылью, напряженно стараясь не потерять из виду идущую впереди машину. Чтобы соблюсти полную секретность, было установлен режим радиомолчания, что еще больше затрудняло управление. По мере того как продвижение становилось всё труднее, к 19 марта стало ясно, что ночными маршами прогресса больше не добиться. С этого момента о секретности пришлось забыть, и мы пошли вперед средь бела дня, пока не вступили в контакт с противником у Кебели Гахес/Kebeli Gahes, где бронеавтомобили разведывательного батальона доложили о вражеских позициях, перекрывающих дорогу через перевал.

Легкому эскадрону было приказано подойти как можно ближе к вражеским позициям. Я всё еще командовал взводом, Бак Кайт был моим взводным сержантом. «Вперед, *Able One*, — приказал я. — Попробуй связаться с одним из наших броневиков и выяснить, что сможешь, о позициях противника.» Мы двигались по узкой долине в отвесном ущелье Габель-Табага. Алек Дойг подтягивался с остальной частью эскадрона, и мы, казалось, шли слишком скученно. Я всё еще опасался мин. Мне удалось связаться с одним из бронеавтомобилей, командир которого доложил, что вражеская позиция находится за минным полем и поддерживается хорошо окопанными огневыми точками по обе стороны долины в предгорьях. Я передал это Алеку, который транслировал сообщение командиру батальона, тот приказал нам оставаться в наблюдении, не ввязываться в бой и ждать прибытия тяжелых эскадронов.

Хотя теперь я мог разглядеть вражеские позиции, вокруг было очень тихо, поэтому я приказал своему взводу продвинуться вперед, чтобы попытаться найти позицию получше. Внезапно раздался ужасающий грохот, и мой танк начал заваливаться на бок. Я крикнул экипажу покинуть машину — их не нужно было просить дважды — и меня в башне чуть не сбили с ног мои танкисты, карабкавшиеся наружу. Никто не пострадал, но противотанковый снаряд попал в нас, снеся практически все опорные катки с одного борта. Я подбежал к танку Бака и сказал, что забираю его машину. С большой неохотой он и его экипаж вылезли и довольно уныло остались стоять у моего подбитого танка, пока их не подобрали позже.

Позиция была явно хорошо защищена, и я доложил Алеку, что, учитывая возможность новых мин, не думаю, что мы сможем продвинуться дальше без разминирования. Около 22.00 через наши позиции начали проходить части 6-й Новозеландской Бригады. С ними были полевые инженеры, которые начали проделывать проходы в минном поле. По радио мне сообщили, что Эскадрон *B* 3-го КТП выдвинется для поддержки атаки новозеландской пехоты, а разведывательный эскадрон окажет посильную помощь.

Светила яркая луна, и мы отчетливо видели новозеландцев, медленно идущих через минное поле. Они несли потери, люди падали то тут, то там. Эскадрон *B* открыл огонь фугасными снарядами по вражеским оборонительным позициям, а мы на флангах также смогли обеспечить прикрытие, ведя пулеметный огонь. Атака была полностью успешной, и мы смогли продвинуться вплотную за пехотой, оказывая им поддержку огнем прямой наводкой. В итоге нам удалось создать прочный плацдарм, захватив Высоту *201* — жизненно важный пункт обороны противника. В этой атаке было взято 1 500 итальянских пленных.

Тем не менее, местность для танков был чрезвычайно труднопроходимой из-за огромных валунов и глубоких вади, разбросанных по всей территории: водителям танков было очень сложно маневрировать. Вся позиция хорошо простреливалась противотанковыми пушками, занимавшими превосходные позиции по обе стороны долины, и в обоих эскадронах было подбито несколько танков. В конце концов нам удалось достичь возвышенности за минным полем, где нам приказали оставаться и обеспечивать посильную поддержку новозеландцам, которые всё еще зачищали очаги сопротивления врага.

Та ночь была, я думаю, одной из самых некомфортных в моей жизни. Танковые экипажи оставались в боевой готовности в своих машинах; было крайне неуютно и страшно холодно. Мне удалось обойти большинство экипажей, осторожно велев им заварить чай. Заваривать чай внутри танка было запрещено, но я не спрашивал, как они это сделают. Плюсом было то, что я узнал следующее: Бак Кайт сумел найти себе другой танк и вернулся в эскадрон.

В течение следующих сорока восьми часов новозеландская пехота при поддержке танков бригады осуществила серию ночных атак. Одна такая атака ночью 24 марта была проведена при ярком лунном свете батальоном маори при поддержке Эскадрона *С* 3-го КТП и эскадрона Ноттингемширского Йоменского Полка. Она была особенно успешной и привела к захвату двадцати артиллерийских и противотанковых орудий, а также еще 1 000 итальянских пленных. Хотя захват Высоты *201* обеспечил дивизии безопасное прохождение через линию обороны противника, он всё еще удерживал некоторые ключевые позиции на флангах перевала. Их артиллерия была особенно активна и наносила многочисленные потери новозеландской пехоте. Даже экипажам танков пришлось постоянно оставаться внутри своих машин.

26 марта Алек и я присутствовали на совещании у командира полка. Нам сказали, что позже в тот же день будет предпринята согласованная атака силами всей дивизии. Танки должны были возглавить атаку всеми тремя полками. Мы должны были выстроиться в линию: *Ноттингемширцы* справа, мы в центре и *Стаффордширцы* слева. Легкие эскадроны должны были идти впереди с новозеландскими пехотинцами, сидящими на броне танков, а за ними — эскадроны *Шерманов*. Мы должны были наступать, как под Балаклавой (имеется в виду знаменитая атака британской легкой кавалерии под Балаклавой в 1854 году) под прикрытием массированного артиллерийского огня, а также при поддержке штурмовой авиации, которая должна была поддерживать радиосвязь с танковыми эскадронами. Всё это звучало потрясающе, но, когда я вернулся в эскадрон и проинструктировал экипажи, это вызвало немало язвительных замечаний, причем Бак Кайт и Джорджи Ри были особенно едки.

Атака должна была начаться в 16.00, и как раз тогда, когда мы начали выстраиваться, внезапно, как это часто бывает, поднялась песчаная буря, из-за чего видимость стала затруднительной. Нашей первой целью была линия обороны примерно в 1 000 ярдов от исходного рубежа. Мы достигли её без особого труда: немецкие артиллеристы, всё еще потрясенные и ошеломленные канонадой, не предпринимали попыток вступить с нами в бой. Продвигаясь, мы подавляли орудийные расчеты пулеметным огнем, а в некоторых случаях давили пушки гусеницами. Однако вскоре после того, как мы миновали первые рубежи обороны, немецкие противотанковые расчеты ожили, подбив несколько *Шерманов*, которые загорелись. Треск 88-мм орудий и стук пушек из спонсонов добавились к общему шуму и хаосу.

Два *Крусейдера* слева от меня были подбиты, затем я увидел, как подбили танк Джорди Рэя справа. Он завалился на бок в открытый бетонный капонир. Экипаж Джорди, похоже, благополучно выбрался и укрылся в нем, несомненно, чувствуя облегчение от того, что на время вышел из боя. Я почувствовал удар по передней части своего танка, но ободряющий крик одного из членов экипажа подтвердил, что броня не пробита. Выглядывая из башни, я

был так занят поиском целей, что не заметил немецкого пехотинца, вставшего в своем окопе и целящегося в меня из пулемета. Моя удача всё еще была со мной: должно быть, он стрелял одиночными, так как первая пуля попала в радиоантенну моего танка и провизжала мимо моей головы. С немцем быстро разобрался один из новозеландцев, сидевших на корме моего танка. Когда мы проходили через оборону врага, немало итальянцев выходили из своих окопов с поднятыми руками. Некоторые новозеландцы спрыгивали с танков и вступали в ближний бой, действуя винтовками и штыками.

Алек Дойг был несколько правее меня и, казалось, оказался в самом центре линии вражеских противотанковых пушек, расчеты которых ожили и начали занимать свои места. Я видел, как в его танк попали, некоторые члены экипажа выбрались, но вскоре я получил сообщение по радио, что Алек тяжело ранен. Наконец-то я командовал эскадроном, хотя и не при тех обстоятельствах, которых желал. Мы находились в середине оборонительной позиции противника. Я видел перепуганных пехотинцев, забившихся в свои окопы, и артиллеристов, лежавших рядом со своими пушками. Я вошел в азарт и решил бросить несколько ручных гранат — у нас в башне внезапно оказался ящик с шестью штуками. Не имея практики метания гранат из башни движущегося танка, я забыл, что мой наводчик развернул орудие. Моя первая граната упала среди новозеландских пехотинцев на корме моего танка и отскочила в сторону. Никто не пострадал, но один из новозеландцев наставил на меня свой *Стен/Sten*, показывая, что произойдет, если я попробую сделать это снова. После этого я сосредоточился на командовании танком.

Вражеские противотанковые пушки становились всё большей проблемой. Несколько *Шерманов* были подбиты и горели. Некоторым экипажам удалось выбраться, но не всем. Мы надеялись вызвать *Харрикейны* и *Киттихоки* Королевских ВВС, но наш авианаводчик, который был в танке Алека, когда в него попали, также выбыл из строя. Тем не менее, они пролетали над нами волнами и атаковали цели прямо перед нами. Я только надеялся, что они хорошо умеют распознавать танки.

Около 18.00 через наши позиции начали проходить подразделения 1-й Танковой Дивизии, и мы почувствовали, что можем немного расслабиться. Ситуация всё еще была очень запутанной, и, хотя мы были рады тому, что 1-я Дивизия принимает на себя атаку, 8-я Танковая Бригада имела приказ оставаться на поле боя развернутой в боевой порядок. Я ждал приказа встать лагерем, чтобы можно было сварить приличную еду и дать танкистам эскадрона поспать. Наши потери были весьма значительными: легкий эскадрон потерял семь танков, тяжелые машины — еще больше. Но приказа не последовало, и мы оставались на боевых позициях всю ночь. На рассвете меня вызвали к танку полковника Паймэна: «Билл, тыловые части 1-й Танковой Дивизии докладывают, что их атакуют *панцеры*. Выводи свой эскадрон на фланг и выясни, что происходит.»

Я выдвинулся с двумя взводами и довольно осторожно направился к предгорьям, где увидел яркие вспышки выстрелов вражеских танков — примерно шесть или семь машин на хороших позициях *танк в окопе*. Я доложил об этом командиру полка и предложил, чтобы взвод *Шерманов* разобрался с ними. Мы продолжали вести с ними бой, пока не подошли тяжелые танки, чтобы поддержать нас. Пока мы пытались пристроиться на какой-нибудь позиции, чтобы над землей врагу были видны только башни (мы всё еще были на виду), танк моего капрала из взвода был подбит и вспыхнул. Двум членам экипажа удалось спастись. Я испытал огромное облегчение, когда подошли два взвода *Шерманов* из Эскадрона *B* и очень быстро разобрались с танками противника, хотя и потеряли при этом три своих машины. Хотя мы практически окружили противника, группы решительно настроенных немцев продолжали сражаться в течение всего дня, пока их не заставил сложить оружие батальон маори. В этом бою один из лейтенантов-маори был посмертно награжден *Крестом Виктории*.

После этого у нас было несколько дней отдыха и реорганизации в районе Сфакса. Полковник Паймэн покинул нас, как нам сказали, для повышения, что действительно оказалось правдой, так как к концу войны он стал генерал-майором. Полковник Иэн Спенс (Ian Spence), бывший офицер *Стаффордширцев*, присоединился к нам в качестве командира полка, а через несколько дней мы передислоцировались на позиции под Энфидавилем/Enfidaville, где нам предстояло остаться.

Лини Марет обойдена - Крусейдеры 1-й Танковой Дивизии вступают в Эль-Хамму

Энфидавиль: Конец кампании в пустыне

Приближение победы в северной Африке вызывало у меня смешанные чувства. Как и многим людям, которые гонялись за врагом или сами спасались от него бегством в пустыне, идея триумфального въезда в Тунис казалась мне заманчивой. В то же время присутствовало чувство облегчения от того, что на этот раз мы не будем в авангарде. Пока другие части отправлялись на усиление [британской] 1-й Армии, мы прятали наши танки в тени кактусовых зарослей на равнинах вокруг Энфидавиля. Горы напротив были заняты 90-й Дивизией Легкой Пехоты — вероятно, элитой старого *Африканского Корпуса*. Позади них находилось то, что осталось от 15-й Танковой Дивизии. Я полагаю, что в то время они считались частью 5-й Танковой Армии, но это название нам ничего не говорило.

Враг все еще сохранял волю к борьбе, и немецкая и итальянская пехота яростно сопротивлялась, когда новозеландцы атаковали Такруну — неприятную скалистую высоту, а 4-я Индийская Дивизия штурмовала Джебель Гарси, гряду, изрезанную оврагами. Штурм начался в ночь на 19 апреля, и всё, что мы могли делать, — это наблюдать за вспышками в темноте и клубами дыма утром. Цели были достигнуты, но дорогой ценой. Новозеландцы потеряли много офицеров. Нам, как разведывательному эскадрону, пришлось совершить несколько вылазок в предгорья, но мы не нашли ничего, кроме минных полей. Казалось, у

противника было достаточно противотанковых пушек, прикрывавших их, поэтому мы не слишком усердствовали.

Когда силы *Оси* окончательно рухнули в мае, я отправился вместе с командиром полка и другими командирами эскадронов наблюдать за капитуляцией 90-й Дивизии. Я ставил их на второе место после 21-й Танковой Дивизии как бойцов. 15-ю Танковую я бы поставил вслед за ними, хотя и не без воспоминаний о невероятном мужестве артиллеристов 88-мм орудий и экипажей *Штук*. Солдаты 90-й маршировали под командованием своих офицеров и сержантов, усталые и потрёпанные, прижимая к себе то, что, должно быть, было их эквивалентом наших драгоценных спальных мешков. С нашей стороны не было злорадства, только чувство, что мы достигли своей цели — мы победили людей, которые, по моему мнению, сражались достойно и умело, даже по-честному, если такое слово вообще применимо к полю боя.

После этого полковник Спенс предложил всем нам осмотреть позиции, которые мы атаковали последние две недели, и взглянуть на них со стороны противника: «Теперь мы увидим, была ли наша маскировка так хороша, как мы думали.» Небольшая колонна отправилась в путь на джипах, полковник Спенс ехал впереди. Нам оставалось проехать еще какое-то расстояние, когда я заметил, что мы проезжаем мимо небольших кучек камней, которые выглядели подозрительно похожими на маркеры минных полей. Я подал сигнал остальным остановиться и, пересев за руль вместо своего водителя, осторожно подъехал к машине командира. Более внимательный осмотр подтвердил мои опасения.

— Хорошо, Билл, давайте все вместе вернемся назад. Идите по моим следам.

Он развернулся, и мы пошли в тесной колонне, медленно выбираясь из опасной зоны. Через минуту или две раздался оглушительный взрыв, мой джип подлетел в воздух, и удушливый черный дым скрыл всё вокруг, когда мы рухнули обратно на землю. Последовала серия мощных взрывов.

Когда грохот прекратился, я почувствовал острую боль в голове и ребрах и увидел, когда дым рассеялся, что мой водитель без сознания поник в своем кресле, а его разорванный китель пропитан кровью. Я смутно осознал, что другие джипы остановились и к нам бегут люди. Нас вытащили после тщательного осмотра прилегающей территории и начали перевязывать. Хотя в голове у меня звенело и я на время оглох, я понял, что командир проехал по итальянской мине, не взорвав её, а повторное давление моего джипа привело её в действие. Одновременно сработали несколько *S*-мин, которые выстрелили вверх и взорвались, осыпав всё вокруг металлическими шариками. Один из них прошел прямо сквозь грудь водителя и вышел с другой стороны. У меня была глубокая рана на животе, еще одна на затылке, и я гадал, какие еще повреждения я получил, так как истекал кровью.

Теперь мы оказались в настоящей ловушке. Любая попытка вывести машины, уже находившиеся на минном поле, грозила новой серией взрывов. К счастью, шум привлек внимание бронеавтомобиля, который остановился на безопасном расстоянии. Появились новозеландские саперы и начали расчищать путь. Эту задачу невозможно было ускорить, и, хотя я умирал от жажды, никто не давал мне пить, так как еще не была ясна глубина моей раны в животе. Максимум, что я получил, — это мокрая тряпка, которой мне протерли губы, и набор советов и подбадриваний типа «У тебя там отличное ранение для отправки домой, Билл». Я бы вполне мог обойтись без этого. Хотя откуда-то достали морфин, бедный водитель был в гораздо более тяжелом состоянии, и, возможно, было к лучшему, что он не осознавал происходящего. Поиск мин большую часть времени шел старым методом «тыканья штыком». Потребовалось почти три часа, чтобы расчистить путь, и к тому времени, когда нас положили на носилки и погрузили в какую-то машину, происходившее меня уже мало волновало.

В штабе батальона доктор Макмиллан бросил на нас один взгляд и отправил в пункт сбора раненых в Сфаксе/Sfax. Там обнаружилось, что, хотя шарики и наделали дел на моем затылке, ни один не пробил череп. Один-единственный попал мне в спину, пронесся вдоль внешней стенки желудка и вышел наружу, не причинив серьезного вреда. Теперь я мог рассчитывать на два пупка. Моему водителю, младшему капралу Уильямсу, повезло меньше, и позже я узнал, что он скончался в госпитале.

В Сфаксе я делил палатку в пункте сбора раненых с раненым новозеландским офицером-артиллеристом по имени Джерри Грей (Jerry Grey). Через три дня после поступления мы решили, что достаточно окрепли, чтобы совершить вылазку, поэтому оделись, выскользнули из задней части палатки и уселись на обочине дороги в Сфаксе, надеясь поймать попутку до города. «Никто нас не хватится, если мы вернемся вовремя,» — сказал Джерри. В итоге нас подвезли летчики американской 12-й Бомбардировочной Группы, чей лагерь был неподалеку. Мы устроили довольно бурную вечеринку в клубе *Overseas* в Сфаксе. Беда была в том, что к моменту окончания празднования нашей свободы мы не смогли найти дорогу назад и закончили ночь скорее мертвыми, чем живыми, на заднем сиденье одного из их джипов. Похмелье, вызванное крепким местным пойлом, было даже хуже, чем ноющие напоминания о наших ранах. Никто не встречал нас с флагами. «Я забронировал вам двоим место на самолет до 63-го общего госпиталя в Каире, — сказал старший врач, майор Морган. — Вместо этого вы отправитесь в 48-й общий госпиталь в Триполи по дороге. Это должно излечить вас от привычки шляться.»

На этом дело не закончилось. Об этой выходке доложили, и когда я вернулся в строй, меня вызвали к бригадиру Бейкер-Бейкеру (Baker-Baker), который сурово отчитал меня за безответственность и объявил выговор. Я пропустил большой парад победы в Тунисе, в котором батальон принимал участие в присутствии Черчилля и собравшихся генералов. Раны продержали меня в госпитале шесть недель, и когда я вернулся к службе, 3-й КТП находился в Хомсе/Homs, на побережье к востоку от Триполи. Наши танки были переданы 5-му КТП, которому вскоре предстояло вступить в бой на Сицилии.

Тем летом мы хорошо провели время и с удовольствием исследовали страну, не опасаясь обстрелов. В Тунисе я столкнулся с Джимми Корнуоллом (Jim Cornwall) — моим старым приятелем со времен сержантской столовой, который тогда командовал эскадроном в 12-м КТП, который он помогал формировать с нуля. Теперь они были частью 1-й Армии. Он рассказал мне, что после окончания офицерских курсов в Сандхерсте зимой 1940 года его отправили в Гейтсхед/Gateshead, где новобранцев принимали в гражданской одежде и начинали базовую подготовку прямо на улицах без униформы. Батальон принял первый бой в Тунисе, где входил в состав бригады, полностью оснащенной танками *Черчилль/Churchill*. Джимми крайне критически отзывался о том, как 1-я Армия в начале своей кампании использовала танки мелкими группами (penny packets), и говорил, что дело пошло на лад только тогда, когда прибыли некоторые командиры 8-й Армии и показали им, как это делается.

Тем не менее, 12-й Полк понес тяжелые потери, потеряв целый эскадрон в жестоком бою за высоту против парашютного полка *Herman Goering* в конце апреля. Как и я, Джимми был ранен в последний день кампании и провел некоторое время в госпитале в Алжире. Когда мы расставались, я думаю, мы оба гадали, доживет ли другой до конца войны. К тому времени я сознательно перестал заводить новых друзей, так как они вряд ли задержались бы надолго, а старых приятелей, казалось, почти не осталось.

Появление танков *Тигр* на североафриканском театре военных действий давало богатую пищу для размышлений, хотя лично я не сталкивался с ними в бою. Говорили, что они построены как линкоры, и когда я впервые увидел захваченный экземпляр, который выглядел зловеще даже в солнечный день вдали от всякого военного шума, я понял, что имелось в виду. Даже боковая броня была толще, чем самая прочная часть *Шермана* — в

лобовой части башни - 76-мм. Сравнение носовых частей двух танков показало, что броня *Тигра* здесь в два раза толще наших 50 мм. Я посмотрел на длинное 88-мм орудие, торчащее из массивной башни, и тяжело сглотнул. Оно было вполне способно подбить любой известный мне танк союзников примерно с 2 000 ярдов — задолго до того, как мы могли бы подойти достаточно близко, чтобы нанести ему какой-либо ущерб. В отчетах об испытаниях говорилось, что *Тигр* склонен к механическим поломкам, и я искренне на это надеялся.

Когда в декабре батальон отплыл в Британию и температура начала падать, я почувствовал, что перспективы были именно такими, которые метеорологи называли «неопределенными».

Домой

Наше путешествие домой на великолепном датском судне прошло более или менее спокойно, но, тем не менее, было чрезвычайно приятным. На борту также находились около 200 британских медсестер и медсестер [из стран Британского] *Содружества*, которые, несомненно, внесли большой вклад в создание дружеской атмосферы на борту. На время пути меня назначили офицером по светомаскировке — работа неожиданная, но оказавшаяся весьма интересной. Корабль официально считался «сухим», но вечеринки, которые продолжались почти непрерывно на протяжении всего плавания, определенно таковыми не были! Во время моих обходов в качестве офицера по светомаскировке я, по долгу службы, имел привилегию доступа в любые каюты в любое время. Меня было легко убедить закрыть глаза на происходящее, какой бы буйной ни была вечеринка.

Нашей единственной остановкой в пути была Сицилия, где мы провели два приятных дня на берегу. В конце концов, в канун Рождества 1943 года мы высадились в Глазго. Я был разлучен со своей женой Джози чуть более трех лет, а моему сыну Ричарду теперь было три года — он стал крепким мальчуганом. Мне полагалось три недели отпуска. Однако за время моего отсутствия Джози вступила во Вспомогательную Территориальную Службу/Auxiliary Territorial Service, поэтому за Ричардом присматривали мои родители, которые всё еще жили в Аппингеме/Uppingham. Я не был в восторге от такого положения дел, но понимал чувства жены и её желание внести свой вклад в победу. Джози удалось получить несколько дней отпуска, которые мы провели вместе, но я не чувствовал себя несчастным, когда пришло время возвращаться в батальон.

Во время отпуска я узнал, что мое производство в майоры подтверждено и что я остаюсь в должности командира эскадрона *А*. Вернувшись в полк, я обнаружил, что мы входим в состав нового соединения — 29-й Танковой Бригады 11-й Танковой Дивизии. Приятным сюрпризом стало то, что дивизией командовал Пип Робертс, теперь уже генерал-майор — он командовал 3-м КТП в пустыне в 1942 году. Также новым был наш командир полка, подполковник Дэвид Силвертоп (David Silvertop), прибывший к нам из Батальона 14/20 Гусарского Полка. Как у танкистов, у нас были несколько смешанные чувства по поводу кавалерийского офицера («погонщика ослов»), командующего кадровым танковым батальоном. Между нами всегда существовало дружеское соперничество, хотя мы не питали иллюзий относительно их рвения и способностей. Дэвид Силвертоп проявит себя как один из наших самых мужественных и способных командиров, заслужив любовь и уважение каждого в батальоне. Он погиб в бою при трагических обстоятельствах уже после того, как мы взяли Антверпен.

Наши учения на болотах Йоркшира имели огромное значение, особенно для ветеранов пустыни, для которых действия на совершенно иной местности стали поучительным опытом. Это также дало нам возможность проверить наших новых офицеров и танковые экипажи.

Большая часть пополнения присоединилась к нам еще до того, как мы покинули северную Африку. Моими новыми командирами взводов стали Джонни Лэнгдон (Johnny Langdon), *Бэшер* Бейтс (*Basher* Bates) и Билл Йейтс (Bill Yates) — все бывшие пехотинцы, жаждавшие доказать свою состоятельность в танковом батальоне после короткого, но интенсивного курса танковой подготовки. И они сделали это с большим успехом в боях в Нормандии и во время броска к Балтике. Джонни Лэнгдон, в частности, стал моим самым надежным и мужественным командиром взвода, оставаясь со мной до конца войны и получив в ходе боев *Военный Крест*.

Наш первый период обучения на болотах, операция *Eagle*, проходил в ужасную погоду, почти всё время сопровождавшуюся снегом и обледенениями. Тем не менее, мы извлекли максимум пользы из этих условий, будучи уверенными, что этот опыт пригодится позже во время операций в Европе. Вскоре после этого мы перебазировались на юг, в Олдершот/Aldershot. Батальон был в отличном расположении духа. Мы делили казармы в Олдершоте с одним из наших соседних полков по бригаде — 23-м Гусарским. Этот полк был воссоздан в 1940 году, его люди были чрезвычайно хорошо обучены и стремились показать, на что они способны, хотя до сих пор не участвовали в боях. Другой танковый полк бригады, 2-й Файфский и Форфарский Йоменский Полк/Fife and Forfar Yomenry, также был отлично подготовлен и рвался в бой, хотя тоже еще не нюхал пороху. В будущих операциях они проявили себя как превосходные бронетанковые полки, и нет сомнений, что их рвение и способности помогали держать более опытные экипажи в тонусе.

Джорди Рэй, награжденный медалью *За Отличие в Службе*, попросил меня о разговоре. «Ну, Джорди, на что жалуешься?» - «Я хочу уйти из армии, сэр!». Это было последнее, чего я ожидал. «По какой причине?» - «Я не думаю, что годен на то, чтобы командовать людьми в бою, сэр. У меня сдали нервы.» У меня не было иного выбора, кроме как передать эту просьбу командиру полка. Выслушав ту же фразу о неспособности командовать людьми в бою, Сильвертоп просто сказал: «Боюсь, вам придется продолжать, как и всем нам, Рэй.» И он продолжил.

11-я Танковая Дивизия, высадившаяся на пляжах Нормандии между 13 и 14 июня 1944 года, была мощным соединением. Помимо трех танковых полков в 29-й Танковой бригаде, у нас был 8-й Батальон Стрелковой Бригады, который обычно выделял по пехотной роте каждому танковому полку. Кроме того, у нас была 159-я Пехотная Бригада, состоявшая из 3-го Батальона Монмутширского/Monmouthshire Полка, 4-го Батальона Королевского Шропширского/Shropshire Полка Легкой Пехоты и 1-го Херефордширского/Herefordshire Полка. В состав дивизионных частей входили разведывательный полк (2-й Нортгемптонширский/Northhamptonshire Полк Йоменов) и 13-й Полк Королевской Конной Артиллерии, чьи двадцатипятифунтовые пушки были установлены на танковых шасси.

Ожидание в районе сосредоточения вокруг Саутгемптона было невероятно скучным, но, наконец, 12 июня мы добрались до наших танков, погруженным на десантные суда еще за несколько дней до этого. Половина моего эскадрона находилась на моем судне, которым командовал старый шотландский шкипер, настоящий морской волк. Погода в Ла-Манше была хуже некуда: огромные волны и порывистый шквальный ветер делали жизнь танковых экипажей, устроившихся на верхушках своих танков, крайне неуютной. Мне повезло больше — я обосновался вместе со шкипером в его маленькой рубке, попивая с ним вдвоем солодовое виски.

Когда мы приблизились к французскому побережью, несколько судов нашей флотилии повернули назад, посчитав, несомненно, что выгрузить танки в таких обстоятельствах будет невозможно. Танки были герметизированы, но выгрузка там, где глубина достигала трех-четырех футов была крайне опасной из-за риска затопления. Мой шкипер был непреклонен: «Я доставлю тебя туда, парень!» — сказал он. На том этапе я не был уверен, радоваться мне этому или нет. Он сдержал слово и подошел вплотную к берегу, где мы

смогли выгрузиться без проблем. Я был очень рад увидеть, что другие суда с остальной частью моего эскадрона также смогли высадиться на берег. Участок высадки к тому времени был уже довольно хорошо организован, и мы смогли двинуться вглубь страны к нашему району сбора. В тот день на берег удалось выбраться только половине полка, и прошло еще два-три дня, прежде чем остальная часть батальона догнала нас.

Tank Commander: From the Fall of France to the Defeat of Germany: The Memoirs of Bill Close. 2013

Перевод – Владимир Крупник с использованием ИИ

Возврат к главной странице www.warsstory.org